

словам, до известного постановления о ж. «Звезда» и «Ленинград». Стихи ее потрясли, и с тех пор началось ее внутреннее сопротивление официальной лит. политике и — шире — идеологии. За 40 лет О. собрала огромную коллекцию различных материалов, касающихся Ахматовой. Следует особо отметить, что помимо поэтической работы О. вела обширную переписку с российскими поэтами, а также с поэтами из национальных республик. С годами у нее образовался замечательный по своему составу (по именам и материалам) лит. архив, где есть более сотни писем Арс. Тарковского, письма Б. Пастернака, К. Симонова, В. Чичибабина, М. Светлова, М. Дудина, М. Рыльского, Н. Ушакова и мн., мн. др. В них содержится немало ценных сведений, представляющих настолько большой интерес, что ИРЛИ (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук взяла их на хранение,образовав специальный личный фонд О.

Многосторонняя связь с лит. жизнью и России, и др. республик обогатила творчество О., а учеба у различных мастеров, открывающих тайны своего «ремесла» в личных письмах, сказала и на ее поэтическом творчестве. В Киеве она стала авторитетным наставником для лит. молодежи, которую сплотила вокруг организованной ею студии, а затем и ж. «Родник». Там получили «путевку в жизнь» мн. молодые поэты. Ежегодно «Родник» проводит «Ахматовские чтения» — они собирают большую аудиторию. На Чтения приезжают ахматоведы из разных городов России и Украины. Лекции об Ахматовой О. читала в Киеве, Иванове, Москве, Одессе и др. городах.

Первая книга стихов О. вышла в Киеве в 1970. Она, вобрав наиболее характерные и лучшие стихи, открыла читателям своеобразного и незаурядного поэта. О. прежде всего лирик, открывающий в стихах напряженную и динамичную душевную и духовную жизнь. Форма ее стихов строга, чиста и по своему «классична». Ее поэтическое мастерство зиждется на очень тщательной работе со словом. Она принадлежит к школе Ахматовой, но не подражает ей, а следует ее поэзии как некоему ориентиру, высокому, недостижимому, но верному. Психологические ситуации в ее стихах драматичны и немногословны. Она посвятила Ахматовой книгу сонетов «**Венок Ахматовой**» (Киев, 1999) — это, пожалуй, наиболее объемный поэтический потрет великой поэтессы в нашей лит-ре. Эта книга в то же время — признак высокого поэтического мастерства, пришедшего к О. в 1980-е и 1990-е, что признают мн. поэты в своих письмах к О., в рецензиях на ее книги.

Соч.: Диалог. Киев, 1970; Сиреневый час / предисл. Арс. Тарковского. Киев, 1991; Причастность. Третья книга стихов. Киев, 1994; Поэзии родные имена: Воспоминания, письма, стихи. Киев, 1995; Мелодия осени. Чернобыль, 1997; Свет издалека. Киев, 1999; Венок Ахматовой. Киев, 1999; Мгновения. Седьмая книга. Киев, 2002.

Лит.: Тарковский Арс. Диалог // Молодая гвардия. 1971. № 7; Вышеславский Л. Как вам живется, мои земляки... // Вечерний Киев. 1991. 26 апр.; Рудинский В. Е. Ольшанская. Сиреневый час // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1992. № 2165. 1 февр.; Лисиевский И. ...Все, что зовется судьбою. О книгах Ольшанской «Сиреневый час» и «Причастность» // Вечерний Харьков. 1995. № 1. 24 янв.; Татаренко Ю. Адреса причастности Евдокии Ольшанской // Киевские ведомости. 1995. 25 янв.; Дубовик О. Золотое ожерелье памяти // Крещатик. 1996. 11 дек.; Вигучин С. Озаренная // Vestnik. New York. 1998. Vol. 101. № 4 (185). February, 17; Хочу на друзей наглядеться // Правда Украины. 1997. 10 июня; Боброва Э. Евдокия Ольшанская. Поэзии родные имена // Новый ж. Нью-Йорк. 1999. № 217; Черненко М. Надо ведь светиться изнутри // Зеркало недели. 1997. 23 авг.; Вышеславский Л. Целительный свет // Независимость. Киев. 1999. 8 окт.; Черненко М. Поэзия всегда остается юной // Сегодня. Киев. 1999. 17 апр.

А. И. Павловский

ОРЕШИН Петр Васильевич [16(28).7.1887, Саратов — расстр. 15.3.1938, Москва] - поэт, прозаик.

Родился в семье приказчика мануфактурной лавки, лето в детские годы проводил у деда в с. Галахове Аткарского у. Саратовской губ. С 1896 по 1900 учится в начальной школе, после чего поступает в городскую 4-классную школу, из которой, не доучившись год (за неимением средств), уходит и определяется приказчиком в лавку, где служит отец, затем учится в школе бухгалтеров. В 1913 уезжает в Петербург, где устраивается на работу в железнодорожную контору.

Первые публикации стихов в «Саратовском листке» и «Саратовском вестнике» (1911). С 1913 печатается в петербургских ж. «Заветы», «Ежемесячный ж.», «Современник», «Вестник Европы» и др. Стихи этого периода следуют традиции поэтов-самоучек, суриковцев. Основной их пейзажный фон — «чахлое поле», «тощие земли», среди которых затерялись села со своими «старыми» избами и терпящими «вековую нужду» лачугами. Основной лирический герой этой «горевой» музыки — бедный крестьянин, в эмоциональном запесе которого преимущественно два мотива: жалобы на нужду и надежды на то, что «Будем мы богатыми, / Будем мы счастливыми. / С теремами-хатами, / С женами красивыми!» («**Ждут**», 1914).

Вместе с тем поэт способен созерцать и красоту родного крестьянского края с его «шорохами и звонами» «зреющих во сне» колосьев, любоваться сноровистостью и слаженностью крестьянского труда, когда, например, «солома пляшет, / Горы золота растут» («**Молотьба**», 1914). Нередко также в стихах О. хмурый вид бедного деревенского края озаряется заходящим над ним солнцем либо месяцем: «Тихо в сумраке ночном / С края и до края. / Над распаханным бугром / Зорька золотая» («**Ночь**», 1914). Весной 1916 О. призывается в действующую армию и принимает участие в боях на Западном фронте, удостоиваясь за храбрость двух Георгиевских крестов.

Во время революций 1917 О. в Петербурге и активно выступает со стихами в эсеровских газ. «Дело народа», «Знамя труда», «Земля и воля», а также в большевистской газ. «Голос трудового крестьянства», лит. отделом которой он заведует с дек. 1917 по июнь 1919. В лит. альм. «Скифы» (сб. 2, 1918, фактически 1917) печатаются 2 его стих. «**Дулейка**» и «**Дед-краснобай**» (1917) в последнем развивается крестьянофильская мысль об утопическом мужицком царстве. Здесь же, в статье «Поэты и революция», Р. В. Иванов-Разумник, определяя место О. в кругу прочих новокрестьянских поэтов, писал: «Если у Клюева революция духовная, социальная, политическая сплетены в один космический вихрь, если у Есенина глубоко и исконно переплетены в вихре революция духовная и политическая, то Орешин захвачен лишь одной стороной этого вихря — революцией социальной. Но в этом круге вихря — переживания его искренни, переживания его подлинны, и настолько же искренне и подлинно его творчество» (Скифы. Сб. 2. С. 3).

В своих лучших произведениях революционной тематики О. удаётся выступить не столько лириком (как Есенин) или пророком (как Клюев), сколько певцом неповторимых примет деревенской действительности. В его стихах передается искренность и простодушие крестьянских разговоров, здесь вполне ощутимы также и взбудораженная днями хмельной свободы «ржаная кручь», и облегченный вздох пахаря, у которого «ветры вольные шумят / Над рубахой потной» («**На пашне**», 1917). О. удаётся запечатлеть выразительные образы представителей народа с их надеждой на какую-то новую жизнь крестьянства («**Пастух**» и «**Деревенский учитель**», 1918). Немалое место в поэзии О. революционных лет занимает тема народного мятежа, бунта (поэмы «**Я, Господи**», «**Крепостный путь**», 1917), а также апокалипсиса,

вызванного картинами жестокости, разорения и страдания (поэмы «**Волчья жизнь**», «**Душа на кресте**», «**Без отца**», 1917).

В 1918 выходят 2 книги стих. О.: «**Заревно**» (в петроградском эсеровском изд-ве «Революционный социализм») и «**Красная Русь**» (в московском изд-ве ВЦИК). Сочувственно откликаясь на первую из них, Есенин (они с О. к этому времени уже были друзьями) в рецензии писал, что она наполнена «простыми и теплыми словами» и похожа «на сельское озеро, где отражается и месяц и церковь, и хаты» («О „Заревно“ Орешина», 1918).

С 1919 по 1922 О. в Саратове, где выступает в местной печати со стихами, носящими характер «социального заказа» («пишет плохие коммунистические стихи» — по словам Есенина в письме А. Ширяевцу 26 июня 1920). В Саратове же выходят и новые его сб.: «**Дулейка**», «**Березка**» (1920), «**Набат**», «**Мы**» (1921).

С 1922 О. в Москве. В февр. 1925 он избирается членом правления Всероссийского СП. На протяжении 1920-х выходят 6 значительных книг его стих.: «**Радуга**», «**Алый храм**» (обе — 1922), «**Ржаное солнце**» (1923), «**Соломенная плаха**» (1925), «**Родник**» (1927), «**Откровенная лира**» (1928) (при этом последние 4 обозначены как тома собр. стих.). Лучшее в них — тревожные раздумья о судьбе обитателей «полевой России». Земля и «мужик» — две основные темы этой «черноземной», «сермяжной», «ржаной» лиры. Именно разрабатывая их, поэт пишет наиболее страстно, искренне и проникновенно («**Благодать**», 1923; «**Привычка**», 1924). Все помыслы О. обращены к своей «избяной стороне», и дальнейший путь России он не мыслит без сохранения и даже расширения ее крестьянской, земледельческой основы. Для него уже сейчас «больше чем полмира / Степным запахло армяком» («**Солнце в сермяге**», 1923). Усилению этой мысли способствует нагнетение эпитета «ржаной» («ржаной перезвон», «ржаное дедовское солнце», «ржаное вымя», «Ржаной Всесветлый исполком», «ржаная ленинская сечь»). Символично в этом же отношении название книги стихов «Соломенная плаха». Радость и мука — неизменный удел крестьянина: «Край родной, соломенная плаха, / Всем на шею вечная петля. / Но любя мне потная рубаха, / Черный хлеб и сивая земля». От этой участи поэт не отделяет и самого себя: «От земли, от пашни и покоса, / От судьбы — куда же я уйду?» («**Соломенная плаха**», 1923); «Вот она — плечей моих сутулость, / Лес морщин на лбу и на лице» («**Песнь**

П. В. Орешин

осеннего ветра», 1922). Таким он запомнился и современнику: «Помню, жили мы с Орешиним одним летом рядом, в деревне Барвихе под Москвой. Целыми днями сидел он с удочкой на берегу Москвы-реки, всегда молча, всегда угрюмо и всегда один. И лицом своим, лицом типичного „мужика“, каким он сохранился на картинах передвижников, изборожденным морщинами, был как-то невесело озабочен. Смотрит часами безмолвно Орешин на ленивое шевеление поплавка, кажется, вот-вот затаен он свою дулейку и поплывут перед глазами картины скудного деревенского бытия, заскрипят колеса переселенца, потянет горьким дымом» (Зелинский К. На рубеже двух эпох. М., 1962. С. 179–180).

С усилением негативного отношения большевистской власти к крестьянству О. искренне пытается разглядеть в пропагандируемой «новой» деревне ее некие обещающие будущий «расцвет» черты; он насыщает свои стихи такими «советизмами», как «изба-читальня», «ячейка», «лампочка Ильича» и т. п., с подлинным лирическим волнением восклицает о некоем «обновлении» крестьянского края: «Иные ветры с поля дуют, / Иное шепчут ковыли» («Журавлиная», 1923). Доказывая свою полную благонамеренность, О. заявлял: «Я в материнской утробе / Пел Интернационал!» («Под клеветой», 1923). Но вместе с тем он не может предавать проклятию, как того требовала господствующая идеология, вековой уклад национальной жизни. Этим объясняется весьма осязаемый мотив покаяния в стихах О. 1920-х: «Простите, гречневые дали, / Что я уступчив и труслив...» («На просторе», 1926). Этот покаянный мо-

тив проходит через все строфы: «Простите, исключенные крыши...», «Простите, черные мозоли...», «Простите, дымные курганы...», «Простите, мирные дороги...», «Простите, тихие могилы...». О. даже осмеливается в отдельных случаях оценивать прошлое выше настоящего, говорить о нынешнем человеческом оскудении: «В полевом, просторном человеке / Отцветает любовный плен» («Дорога», 1926).

Новое осмысление происходящего совершается в поэзии О. в связи с гибелью Есенина. В 1926 в ж. «Красная новь» публикуется его мемуарный очерк «Мое знакомство с Есениным», а в следующем году — статья «Великий лирик». В поэзии же на это событие О. откликается рядом стих. («Сергей Есенин», «Соловей в отставке», «Ответ», «На караул», 1926), в которых прощание с Есениным звучит и прощанием с уходящей крестьянской Россией, и предчувствием неизбежной гибели самих крестьянских поэтов: «И на Руси такой мороз, / Что вся она по швам. / И холодно в снегах берез / Нам, сельским соловьям».

Во второй половине 1920-х О. обращается (значительно позже др. новокрестьянских поэтов) к теме гибельного наступления на крестьянскую Россию «железного гостя», технического прогресса: «Как яркий спрут ползет по свету / Слепая мертвенная сталь...» («Сказ деревенского петуха», 1927), чем и обеспечивает себе место в их обреченном ряду. Рапповская критика обвиняет поэта во вредной идеализации природы, крестьянской жизни, а также в шовинизме: «Клычков — представитель мистического россиянства, а Орешин — россиянин реалистический... Когда он говорит о СССР, о советской стране, он вполне определенно величает нас „Советской Русью“» (Бескин О. Певцы кулацкой деревни // Наши позиции. М., 1931). В начале 1930-х выходит роман Н. Брыкина «Стальной Мамай», который по обилию включенных в него с разоблачительной целью стихов О. (вместе со стихами Н. Клюева) вполне заслуживает определения романа-доноса. Их здесь цитирует — как близкие своим антисоветским убеждениям — замаскировавшийся враг, бывший белый офицер.

Наравне со стихами выходят в 1920-е также и книги прозы О., посвященные в основном изображению быта нынешней деревни (рассказы и очерки: «В полях», 1924; «Солдатка», 1925; «С гуся вода», 1925; «Палисадник», 1927; повести: «Ничего не было», 1926; «Людешки», 1927; «Жизнь учит», 1928; «Злая жизнь», 1931, автобиографического характера).

К началу 1930-х, когда положение новокрестьянских поэтов все больше начинает оп-

ределяться как положение «лит. смертников», О. делает попытку выскользнуть из стягивающей вокруг них петли. Он теперь заявляет не только о решительной неприязни к старой деревне, но и о разрыве с ее певцами, своими недавними единомышленниками. В стих. **«Моя библиотека»** (1928) утверждается, что Русь по праву «распулеметил» Чапаев. Заявляет О. также и о своем окончательном повороте к новой, колхозной деревне. В книге **«Вторая трава»** (1933) пейзажная лирика и тема преобразования деревни по плану коллективизации соединены крайне механически: «Машинным маслом пахнет синь дневная, / И сталью в степь щетинится колхоз!» Вся книга наполнена характерными для «советской» поэзии первых пятилеток штампами: «В покосе соревнуются бригады...», «Кто же может не любить такую / Родину счастливую мою...» и т. п. В 1937 выходит последний, принципиально выдержанный в духе «боевого», «оптимистического» времени сб. О. **«Под счастливым небом»**, составленный из сокращенных и урезанных более ранних произведений. Однако «счастливое небо», начертанное на обложке книги, не замедлило вскоре обернуться глубоко несчастным небом над головой ее автора: в том же 1937 он был арестован, а в начале следующего года расстрелян.

Соч.: Стихотворения и поэмы. М., 1958; Повести и рассказы. М., 1960; Злая жизнь: повесть. М., 1964; Ключев Н., Клычков С. Орешин В. Стихи. М., 1997.

Лит.: Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России. М., 1919; Трифонов Н. Кулацкий методолог на страницах «Литературной газеты» // На лит. посту. 1930. № 17; Мехш Э. Поэмы Орешина 20-х годов // Вопросы сюжетосложения. Рига, 1972; Михайлов А. Петр Орешин и крестьянские поэты начала XX века // Русская лит-ра. 1973. № 1; Михайлов А. Поэзия обновляющейся Руси // Русская лит-ра. 1974. № 3; Неженец Н. Поэтика жанровой зарисовки П. В. Орешина // Неженец Н. Поэзия народных традиций. М., 1998; Гронский И. О крестьянских писателях // Минувшее. М., 1992. Т. 8; Савин О. ...Думы в образных строчках // Сура. Пенза, 1997. № 3; Михайлов А. Биографический очерк // Ключев Н., Клычков С., Орешин П. Стихи. М., 1997.

А. И. Михайлов

ОРЛОВ Борис Александрович [7.3.1955, д. Живетьево Брейтовского р-на Ярославской обл.] — поэт.

Родился в крестьянской семье. Отец — участник Великой Отечественной войны, работал бригадиром строительной и рыболовецкой артелей. Мать — зоотехник. Рано овдовев, осталась с двумя малолетними детьми. По призна-

нию поэта, он «рос драчливым, / Колючим, как сорняк среди гвоздик. (**«Я рос и конопатым и драчливым...»**) По окончании Прозоровской средней школы не получил золотой медали из-за удовлетворительной оценки по поведению в аттестате зрелости.

Стихи начал писать рано, подражая классикам. «Мои любимые поэты — Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин, Артур Рембо... Есть в них что-то космически бесприютное и бездомное» (Аврора. 1996. № 7. С. 24). С 15-летнего возраста «поэзия начала занимать в жизни важное место, правда, свою судьбу с ней связывать не собирался, но жить без стихов уже не мог» (**Юношеские стихи 1972–1977 гг.** С. 5). Первое свое стих. **«Майский вечер»** опубликовал в брейтовской районной газ. «Заря коммунизма» в мае 1972.

О. манило море, романтика мужественной профессии морского офицера-подводника. В 1977 он окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского, 6 лет прослужил на атомных подводных лодках Северного флота. В курсантские годы О. не порывал с поэзией, регулярно посещал занятия лит. объединения «Путь на моря», которым руководил В. Б. Азаров. Начиная с 1977 стихи О. публиковались в ж. «Советский воин», «Звезда», «Нева», «Юность», «Огонек», «Молодая гвардия», альм. «Океанские горизонты». В 1979 он принимал участие в работе VII Всесоюзного совещания молодых писателей и запомнился тогда афористичным стих., которым позднее открыл свой первый сб. **«Гранитный Север»**, выпущенный Военным изд-вом в 1983 (серия «Старт»): «Черная подлодка. / Черная вода. / Черная пилотка. / Красная звезда». В книгу вошли стихи о службе на подводной лодке, род-

Б. А. Орлов